

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Гельмут Пабст

ДНЕВНИК НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА

**ВОЕННЫЕ БУДНИ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

1941–1943

Гельмут Пабст

**Дневник немецкого
солдата. Военные будни на
Восточном фронте. 1941-1943**

«Центрполиграф»

Пабст Г.

Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте.
1941-1943 / Г. Пабст — «Центрполиграф»,

Дневник Гельмута Пабста повествует о трех зимних и двух летних периодах жестоких боев группы армий «Центр», продвигавшейся на восток в направлении Белосток-Минск-Смоленск-Москва. Вы узнаете, как воспринималась война не только солдатом, исполняющим свой долг, но человеком, искренне симпатизировавшим русским и проявившим полное отвращение к нацистской идеологии.

Содержание

Германский солдат в Русской кампании	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Гельмут Пабст

Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941–1943

Германский солдат в Русской кампании

На рассвете 22 июня 1941 года Германия всей мощью своей трехмиллионной армии перешла границу с Советским Союзом и Румынией. Одна армейская группировка наносила удар в северо-восточном направлении по линии Вильнюс – Ленинград. Другой удар наносился на юго-восток в направлении Киева. Третий – группой армий «Центр» под командованием фон Бока, продвигавшейся на восток в направлении Белосток – Минск – Смоленск – Москва.

К артиллерийской части этой армейской группировки был прикомандирован унтер-офицер связи тридцатилетний Гельмут Пабст, бывший студент, изучавший юриспруденцию, и участник германской оккупации Франции. С первой недели русской кампании Пабст вел дневник в форме писем родителям и друзьям во Франкфурте-на-Майне. Особенно часто он обращался к отцу, воевавшему против России в Первую мировую войну 1914–1917 годов.

При том что над ним довлела цензура полевой почты, Пабст смог рассказать о трех летних и двух зимних периодах жестоких боев не только с точки зрения солдата, исполняющего воинский долг, но и с позиции человека, с искренней симпатией относившегося к русским и проявившего полное отвращение к ведущему войну высшему руководству. Между строк можно увидеть все более выраженный сарказм, который достигает своего апогея в отвержении всей пропаганды, которую рядовой молодой немец – вовсе не нацист – неосознанно впитал при Гитлере. Его позиция многими не может быть понята и принята, но с исторической точки зрения взгляд человека иной идеологии, безусловно, интересен.

Отдельные, выделенные курсивом выдержки призваны обозначить определенные события на общем фоне войны. Само повествование не исправлялось, а высказываемые замечания не пояснялись, ведь Пабст принял участие в боевых действиях осенью 1943 года.

Глава 1

НАСТУПЛЕНИЕ НА СМОЛЕНСК

Трудно поверить в то, что это произошло всего два дня назад. На этот раз я был в первом атакующем эшелоне. Подразделения бесшумно подтягивались к своим позициям, переговаривались шепотом. Скрипели колеса штурмовых орудий. За две ночи до этого мы произвели рекогносцировку местности, теперь поджидали пехоту. Пехотинцы подошли темными, призрачными колоннами и двигались вперед через поля капусты и зерновых злаков. Мы шли вместе с ними, чтобы действовать в качестве артиллерийского подразделения связи 2-го батальона. На картофельном поле поступила команда «Окопаться!». Батарея номер 10 должна была открыть огонь в 3.05.

3.05. Первый залп! В тот же момент все вокруг ожило. Огонь по всему фронту – пехотные орудия, минометы. Сторожевые вышки русских исчезли в огневых вспышках. Снаряды обрушились на батареи противника, местоположение которых было установлено задолго до атаки. Гуськом и развернутым строем пехота ринулась вперед. Болото, канавы; ботинки, полные воды и грязи. Над нашими головами от позиции к позиции велся заградительный огонь. Огнеметы выдвинулись против опорных пунктов. Пулеметный огонь и пронзительный свист пуль. Мой молодой радист с сорока фунтами груза за спиной в первые полчаса чувствовал себя несколько ослабленным. Затем у казарм в Конопках нам было оказано первое серьезное сопротивление. Передовые цепи застряли. «Штурмовые орудия, вперед!»

Мы были с командиром батальона на маленькой вышке, в пятистах метрах от казарм. Нашим первым раненым стал один из посыльных. Только мы установили радиосвязь, как вдруг нас обстреляли из ближних казарм. Снайпер. Мы впервые взяли за винтовки. Хотя мы и были связистами, но, должно быть, стреляли лучше – стрельба снайпера прекратилась. Наша первая добыча.

Наступление продолжалось. Мы продвигались быстро, иногда прижимаясь к земле, но неотступно. Траншеи, вода, песок, солнце. Все время меняем позицию. Жажда. Нет времени поесть. К десяти часам мы уже стали бывалыми солдатами, повидавшими немало: брошенные позиции, перевернутые броневые автомобили, первых пленных, первых убитых русских.

Ночью три часа мы сидели в окопе. С флангов нам угрожали танки. И снова нашему продвижению предшествовал заградительный огонь. По обе стороны от нас – атакующие батальоны. Совсем близко возникали яркие вспышки. Мы оказались прямо на линии огня.

Первая сожженная деревня, от которой остались одни только трубы. Там и сям – сараи и обычные колодцы. Впервые мы оказались под артиллерийским огнем. Снаряды издают необычный поющий звук: приходится быстро окапываться и зарываться в землю. Постоянно меняем позицию. Мы опускаем нашу аппаратуру на землю. Прием, в отличие от вчерашнего, был хороший. Но едва успели принять донесение, как батальон двинулся дальше. Мы бросились догонять его.

Около трех часов прошли через линию траншей, марш между болот. Вдруг – остановка. Кто-то скомандовал: «Противотанковые орудия вперед!» Пушки пронеслись мимо. Затем на пути – песчаное пространство, покрытое зарослями ракитника. Оно протянулось примерно на два километра до главной дороги и реки, у крепости Осовец.

На завтрак у нас был кусок хлеба. На обед – один сухарь на четверых. Жажда, жара и этот проклятый песок! Мы устало протрусили вдоль, поочередно неся груз. В ботинках хлюпала вода, в них забились грязь и песок, лицо покрывала двухдневная щетина. Наконец – штаб-квартира батальона, на краю равнины. Вверху у реки – наш аванпост. Русские точно знают, где мы.

Быстро окапываемся. Видит Бог, не слишком-то быстро. Мы уже точно знаем, когда приближается снаряд, и я не могу удержаться от смеха, когда мы с головой зарываемся в наши норы, припадая к земле, как мусульмане во время намаза. Но наконец – хорошего понемножку – пехота оттягивается назад. Мы свертываем аппаратуру и во время паузы в артобстреле делаем рывок. Справа и слева от нас бегут другие, и все мы одновременно плюхаемся в грязь. Я не могу удержаться от смеха.

Добравшись до относительно безопасного места, сосредоточились в окопе и стали ждать темноты. Разделили между собой последние сигареты. Комары совершенно обезумели. Стало поступать больше сигналов. Я чуть с ума не сошел, расшифровывая их, потому что мой фонарь привлекал еще больше комаров. И снова появилась пехота, возвращающаяся с огневого рубежа. Мы не совсем понимали, что происходит.

Мы знали, что где-то должна быть высота, глубокий окоп. Там нас ждали суп и кофе – столько, сколько мы хотели. Пройдя в сумерках еще два километра, мы завершили рейд у одной из наших батарей. Вскоре уже лежали рядом друг с другом, натянув куртки на уши. Русские снаряды пожелали нам спокойной ночи. Когда мы снова вылезли около четырех часов, то обнаружили, что находимся в сотне метров от нашей штаб-квартиры.

Час спустя мы двигались маршем на запад, затем на север. Когда опустилась ночь, мы были возле села Августова, церковь которого с ее двумя куполами напомнила мне об отце. Немного поодаль от Августова в направлении Гродно нам вновь объявили состояние боеготовности. Мы должны были быть готовы к половине одиннадцатого. Нас разбудили в половине первого, и в конце концов мы вышли в пять часов утра. Ситуация все время менялась; фронт приближался очень быстро. Мы шли маршем на Гродно, где нас должны были бросить в бой. Справа и слева подступали болота. Целая танковая бригада русских, предположительно где-то справа, но такого рода вещи никогда не увидишь. (Видишь только комаров – их в избытке – и ощущаешь пыль.)

Наконец вечером проселочными дорогами мы вошли в деревню и по таким же дорогам прошагали через Липск. Повсюду клубы пыли поднимались в воздух и медленно клубились за колоннами вдоль дорог.

Дорога на Кузницу вся засыпана песком, разбита, изрезана колеями, и на ней полно воронок от снарядов. Она спускается вниз, как дно высохшего моря. С трудом форсированным маршем пересекаем склоны, иногда путь вьется змейкой. Наверное, это как в наполеоновскую кампанию. Ночью мы останавливаемся где-нибудь среди песков. Свежо, и идет дождь. Мы, дрожа, заползаем под автомашины. Утром продолжаем движение, грязные и пыльные, со струйками стекающего пота. Кузница. По сторонам узкой дороги, по которой мы шагаем, расположены три кладбища – католическое, православное и еврейское. Первая на нашем пути православная церковь с ее луковичными куполами. Между тем однообразная равнина сменилась прелестным парковым ландшафтом. Сады, раскинувшиеся вокруг домов, скромное притязание на красоту, незатейливые украшения на домах и – фруктовые деревья.

Это местечко частично подверглось разрушениям. Выгорел целый квартал. В одном из домов уцелели кухня и кусок трубы. Мужчина и женщина ползают вокруг нее, и из этого уголка идет дымок. Старик в тулупе с босыми ногами сидит на стуле, счастливо нам улыбаясь. Его красный нос любителя спиртного выделяется на фоне жидкой неухоженной бороды.

Через час мы вышли на приличную твердую дорогу, двигаясь по направлению к Н. С нами шла легкая артиллерия; лошади и орудия, приближавшиеся к вершине подъема, через которую мы перевалили, выглядели как вырезанные из бумаги фигурки. Не жарко. Слегка холмистая равнина и без пыли. Чудесное утро. Крытые соломой деревянные дома, может быть, и были ветхими, но деревенская церковь белела и блистала на холме наглядным символом своей власти.

Этот марш больше утомляет, чем бой. Полуторачасовой отдых: от часа тридцати минут до трех. Позднее, когда мы шли на марше, луна была у нас за спиной, а мы направлялись к темному, угрожающему небу. Это было как шагать в темную дыру; призрачный ландшафт был блеклым и голым. Мы час проспали как убитые и встали на нетвердых ногах с ужасной тяжестью в желудке. Нежное утро. Бледные, красивые цвета. Просыпаешься медленно, а на каждом привале спишь. В любое время при продвижении вперед можно видеть солдат, спящих у обочин, там, где они опустили на землю. Иногда они скрючиваются, как мертвые, или же, как пара мотоциклистов, которых я видел этим утром, счастливы тем, что сами по себе, спина к спине, отдыхают в длинных шинелях и стальных касках, расставив ноги и засунув руки в карманы.

Мысль о том, что нужно вставать, с трудом проникает сквозь дурман сна. Пробуждение заняло у меня много времени. Когда я будил своего соседа, он продолжал лежать в положении откинувшись назад с совершенно безжизненным лицом. Я подошел к другому, выполнявшему обязанности часового, у него были глубокие морщины на лице и лихорадочно блестящие глаза. Еще один начал писать письмо своей девушке и заснул за этим занятием. Я осторожно вытащил лист; он не смог написать и трех строчек.

13 июля 1941 года. Двинулись в 16.30 как раз перед грозой. Мы ужасно потели. Гроза налетела грохочущей пеленой. Это облегчение, но духота не исчезла. Четыре часа мы шагали в неимоверном темпе без остановок. Даже после этого нас обманывали каждый раз, когда мы останавливались отдохнуть; мы двигались дальше почти сразу же. С наступлением ночи нам дали отдохнуть всего три четверти часа.

Ночь. С холма, где мы стояли, нам были видны огни, рассыпавшиеся далеко на горизонте. Сначала я подумал, что это заря. Желтая пыль зависла вокруг как туман, лениво расходясь в стороны или окутывая придорожный кустарник.

Когда на горизонте красным шаром поднялось солнце, у нас возникла проблема с тягловой силой. При слабом свете фургон нашего пункта воздушного радионаблюдения – гигант на огромных колесах, служивший когда-то полевой фуражной дачей французов, – сошел с бревчатого настила дороги. Лошадь запуталась в постромках, а две другие, которых вели по настилу впереди, чтобы проторить дорогу, завязли в болоте и запутались в проводах полевой связи. Чертовщина какая-то. С помощью свежих лошадей и еще одной пары им в помощь мы вызволили застрявший фургон и поспешили за своей частью. Мы нашли своих скорее, чем ожидали, – в нескольких километрах впереди, в лесу у озера. Весь лес был заполнен войсками и штабелями боеприпасов, занявших все свободное место до последнего квадратного метра. Мы разогрели обед и разбили палатку, а когда заползли внутрь, пошел дождь. В маленькую дырку в брезентовом верхе капли дождя просачивались, попадая мне на лицо, но погода была все еще душной, так что это мне даже нравилось. Кроме того, я очень устал.

Утром спустился к озеру. Вода была теплой. У меня было время, чтобы постирать нижнее белье, которое уже приобрело серо-землистый цвет.

16 июля. Продолжили движение в 14.00. Мы шагали до дрожи в коленях до самого пункта Л. Он был уже совсем близко, а нам ужасно хотелось пить. В деревне одна из наших лошадей потеряла подкову. Разразилась гроза, и я вместе с другими задержался, чтобы найти кузнеца в одной из следовавших сзади батарей. Наш собственный кузнец остался далеко позади, чтобы починить полевую кухню, у которой сломалась задняя ось.

Мы нашли кузнеца. Кое-кто из ребят дал нам хлеба, чаю, сигарет и сигаретной бумаги, и мы поехали в сгущавшиеся сумерки и в новую грозу. Лошади продолжали шараться из стороны в сторону, не различая пути. Наконец через час мы вышли к тяжелым силуэтам орудий на краю дороги, отставших от части. Под дождем темные фигуры притулились у машин или лежали под ними странно выглядевшими грудями. Я нашел всех своих спутников лежавшими под деревьями. Они крепко спали, а лошади склонили головы на шею друг дружке. Между

пятью и шестью утра мы вышли в назначенный для отдыха район на лугу, чуть выше одной из деревень. Подъем был в полдень, в четыре часа – в путь. Четыре часа марша в мокрых ботинках. К вечеру стало прохладно. Дорога поднималась и опускалась при однообразном ландшафте, а издали доносился шум стрельбы. У дороги виднелись воронки от бомб. К 2.20 мы свернули на участок, поросший травой.

Холодно и сыро при противном пронизывающем ветре. Мы набрали мокрого сена и соорудили палатку. У кого-то нашлась свеча. Теперь, когда мы влезли внутрь, неожиданно стало вполне уютно: четыре человека, удобно устроившихся в укрытии вокруг дружелюбного теплого света. Кто-то сказал: «Мы не забудем этот вечер», и все были согласны.

20 июля 1941 года. Сегодня ровно четыре недели. С тех пор, как мы пересекли границу Германии, преодолели 800 километров; после Кульма – 1250. На восемнадцатую ночь точное расстояние от пересечения дорог в Штанкене, где нас собрали для того, чтобы мы двинулись в направлении Граева и Осовца, равнялось 750 километрам.

Я сижу на скамейке у домика паромщика. Мы ждали остальных из нашей части, чтобы начать трудную переправу через Западную Двину, которую наша маленькая группа преодолела верхом на лошадях в течение часа. Рассчитанный на груз в восемь тонн, аварийный мост с односторонним движением не мог пропустить весь поток переправляющихся. У подножия крутого берега толпы военнопленных помогают строить второй мост. Босые люди, из числа гражданских, вымученно копошатся над обломками старого моста, перекрывшего маленькую реку. На переправу может быть затрачено немало часов; руки ста пятидесяти пленных, для того чтобы толкать, – в нашем распоряжении.

Город Витебск весь в руинах. Светофоры повисли на трамвайных проводах, как летучие мыши. С ограды все еще улыбается лицо на киноафише. Население, большей частью женщины, деловито бродит между руин в поисках обуглившихся досок для костра или брошенной утвари. Некоторые улицы на окраинах остались неповрежденными, и то и дело как по волшебству встречается уцелевшая маленькая лачуга. Некоторые девушки одеты довольно красиво, хотя иногда на них фуфайки, в руках авоськи, а ходят босыми и с узлом за спиной. Там были крестьяне из сельской местности. У них овчинные тулупы или ватные куртки, а на головах у женщин платки. На окраинах живут рабочие: бездельничающие молодые люди и женщины с наглыми физиономиями. Иногда поражаешься при виде человека с красивой формой головы, а потом уже замечаешь, как бедно он одет.

Приказ продолжить наш марш был отменен в последний момент. Мы остановились и ослабили упряжь. Затем, когда собирались уже задать лошадям четверть нормы овса, пришел новый приказ. Мы должны были выступить немедленно, двигаясь ускоренным маршем! Переправа для нас была очищена. Мы двинулись назад, сначала на юг, в главном направлении на Смоленск. Марш оказался мирным, правда, по жаре и в пыли, но всего только на восемнадцать километров. Но после легкого дня перед этим напряжение и усталость заставили меня забыть о красотах ландшафта. Мы прикомандированы к пехотной дивизии, которая выдвигалась еще дальше на восток; и действительно, мы шагали днем и ночью и продолжаем шагать.

Перед нами расстилались поля тихо колышущейся кукурузы, гектары ароматного клевера, а в деревнях – вереницы потрепанных непогодой крытых соломой хат, белая возвышающаяся церковь, которая использовалась и для других целей, а сегодня в ней вполне могла разместиться полевая пекарня. Можно увидеть выстроившихся в очередь к нашей пекарне за хлебом местных жителей под руководством улыбающегося солдата. Можно увидеть вопросительные взгляды пленных, которые под строгим взглядом конвоя снимают пилотки. Все это можно увидеть, но только в полудремотном состоянии.

В 2.00 я разбудил передовую группу, спустя полчаса – весь отряд. В половине пятого мы тронулись в путь. Сейчас половина шестого вечера 26 июля. Я лежу потный и в пыли на обочине дороги у подножия холма. Отсюда нам предстоит пройти протяженный открытый уча-

сток дороги. Вдали слышен гул. После Суража активизировала действия авиация, целые эскадрильи наших пикирующих бомбардировщиков, эскортируемые истребителями, совершали налеты на противника. Вчера три русских бомбардировщика кружились над нашим озером, после того как сбросили в нескольких километрах отсюда свой бомбовый груз. Прежде чем они скрылись из виду, мы видели, как наши истребители со свистом пронеслись за ними, садясь им на хвост, и пулеметы застрочили в жарком полуденном воздухе.

Несколько дней назад нам попадалось все больше и больше беженцев, затем на дорогах стало менее оживленно, и мы миновали лагеря для перемещенных лиц, в которых было от тысячи до тысячи двухсот пленных. Здесь не что иное, как линия фронта. В деревнях огромное число домов покинуто. Оставшиеся крестьяне таскают воду для наших лошадей. Мы берем лук и маленькие желтые репки с их огородов и молоко из бидонов. Большинство из них охотно делятся всем этим.

Мы продолжили движение по дороге, соблюдая интервалы. Далеко впереди, на краю леса, поднимаются грибообразные клубы дыма от взрывов снарядов. Мы свернули, прежде чем дошли до этого места, на вполне сносную песчаную дорогу, которой, казалось, не будет конца. Наступила ночь. На севере небо все еще оставалось светлым; на востоке и на юге оно освещалось двумя горящими деревнями.

Над нашими головами бомбардировщики выискивали цели и сбрасывали бомбы вдоль главной дороги позади нас. Мои всадники тряслись и покачивались в седлах на своих лошадях. В половине четвертого мы стали поторапливаться; в четыре наш фургон зашпешил на командный пункт. Сейчас семь часов, и я лежу тут, несколько позади него, с двумя развернутыми секциями радиостанции наготове.

Спокойная обстановка в послеполуденные часы. Мы проснулись и поели, опять легли спать, а затем были подняты по тревоге. Тревога оказалась ложной, и мы продолжали спать. Внизу через луг под конвоем переправлялись в тыл взятые в плен русские. При вечернем свете все кажется таким дружелюбным.

День выдался прекрасным. Наконец у нас появилось немного времени для своих личных дел. Война идет с перерывами. Никаких решительных действий. Противотанковая пушка или танк открывает огонь – мы отвечаем своими минометами. Пушка издает неприятные вздыхающие звуки. Затем после нескольких выстрелов – тишина.

Наши батареи интенсивным огнем обстреливают наблюдательный пункт противника, и русские «угощают» нас несколькими снарядами. Мы жуем свой хлеб и наклоняемся, когда начинает играть «музыка». Можно заранее определить, откуда она доносится. Наверху на холме адъютант сообщает: «Танки атакуют тремя колоннами по фронту, господин гауптман!» – «Передай артиллеристам!» – отвечает капитан и спокойно заканчивает бритье.

Примерно три четверти часа спустя танки идут на нас массой; они так близко, что заходят в тыл нашего холма. Обстановка становится довольно напряженной. Два наблюдательных пункта сворачиваются и уходят, командный пункт отряда и штаб-квартира батальона остаются. Тем временем наша пехота снова выдвинулась к горящей деревне. Я лежу в воронке на холме. В ситуациях, подобных этой, всегда испытываешь удовлетворение оттого, что видишь то, что отделяет зерна от плевел. Большинство испытывает страх. Лишь немногие остаются веселыми. И это те, на кого можно положиться.

30 июля 1941 года. Прошлой ночью мы видели световой сигнал, который подавали наши, примерно в двадцати километрах отсюда. Кольцо вокруг Смоленска сжимается. Обстановка становится спокойней.

В основном из-за медленного продвижения германской пехоты по труднопроходимой местности значительное число советских войск фактически избежало окружения. С их помощью была возведена линия обороны на Десне, которая тем самым подвергла наступающих немцев первой настоящей проверке.

Отступая, русские поджигают за собой свои деревни; пожары полыхали всю ночь. До полудня сегодняшнего дня мы имели возможность увидеть фонтаны вздымаемой вверх грязи при разрывах тяжелых снарядов. Армейский корпус вступает в бои, двигаясь с юга на север. Враг оказывает отчаянное сопротивление; в лесу вновь свистят пролетающие снаряды. Ближе к вечеру мы были готовы сменить позицию, двигаясь на восток. Котел окружения, того и гляди, будет разбит. Когда стемнело, мы спустились от холма и прокатились двенадцать километров на восток по автостраде. Это была широкая, в хорошем состоянии дорога, на которой там и сям попадались развороченные танки и грузовики. Мы направляемся прямо к середине «котла», к новому фронту, который уже виднеется на горизонте.

Шагали всю ночь. Огонь двух пылающих деревень мягким светом отражается на синевато-серой облачной гряде, все время разбиваемой грозными вспышками взрывов. Всю ночь напролет не умолкал низкий раскатистый грохот. Затем к утру облачная гряда приобрела бледный розовато-лиловый оттенок. Цвета отличались странной красотой. Постепенно сонливость ушла из тела, и мы снова были готовы действовать. Достали стальные каски и шинели. Через два часа мы должны были быть готовы к бою; атака намечена на 6.00.

19.00. Конец суматохи дня. Через маленький сектор обзора невозможно получить общую картину, но кажется, что русские моментально отрезали нам дорогу, по которой осуществлялось снабжение, и оказывали значительное давление на нашем фланге. Во всяком случае, мы быстро отходили по дороге, которая до этого была такой спокойной. Совсем близко мы увидели впереди ведущие огонь наши батареи, которые обстреливали склон холма и деревню снарядами бризантного, ударного и замедленного действия. В то же время со всех сторон со свистом пролетали гильзы пехотинцев. Поставив свои машины в ложбине, мы пошли на опушку небольшого леса, в котором было полно штабных офицеров. Даже там не следовало высываться без нужды.

В такие моменты я не любопытен. Все равно ничего не увидишь, и в любом случае для меня не имело значения, насколько далеко они вклинились в наш фланг. Я знал, что, когда они подойдут на достаточное расстояние, у нас еще будет возможность «перекинуться парой слов» друг с другом. А до этого времени я собирал землянику и лежал на спине, надвинув на лицо стальной шлем, – положение, в котором можно прекрасно поспать, максимально прикрывшись. Мы были в нескольких метрах от генерала и нашего командующего дивизией. Поразительно, в каких ситуациях могут оказываться высшие офицеры при таком размытом фронте, как этот.

Тем временем наша пехота прочесывает лес впереди нас, наши танки атакуют русские танки, разведывательные самолеты летают над позициями, а артиллерия подготавливает путь для пехоты. Трем русским самолетам удалось сбросить бомбы на наши позиции полчаса назад, но наши истребители сели им на хвост, и они не могли уйти очень далеко.

Рассказывать о событиях 4 августа будет не так просто, особенно когда мы на марше.

Меня позвал часовой и сказал, что мне нужно работать с отделением радиосвязи 7-й роты. Сержант и еще трое с ним пошли разыскивать роту. Они были в соседней деревне, и мы двинулись вместе с ними. Единственная разница между нами состояла в том, что пехотинцы носили легкую походную форму, в то время как у нас был комплект оборудования. Снаряжение было горячим и плотно прилегало. Мы не часто вступали в боевой контакт с противником, но с трудом проходили от шести до восьми километров через луга, пробираясь через низкорослые кустарники. Идеальная местность для игры в прятки.

Пересекли «почтовую дорогу». Еще через два километра нас обстреляли из рощи, в которой, по сообщениям, никого не должно было быть. Начались активные действия. Газометы, противотанковые и штурмовые орудия вступили в бой. Появились четыре русских танка, три из которых были быстро подбиты. Один из них зашел к нам с левого фланга от деревни Лешенко и некоторое время доставлял беспокойство. Мы с командиром роты находились в

маленькой ложине и попали под огонь снайпера, так что и носа не могли высунуть из своего укрытия. Доносились крики: «Танк противника впереди!» Слева слышалось русское «Ура!».

Он звучит чудно, этот боевой клич, и появляется неловкая суетливость, если вы не знаете, что происходит в пятистах метрах от вас. Вы обращаетесь в слух, вслушиваетесь в усиление и затихание шума, распознавая разницу между звуком пулеметных очередей наших и противника. У русских пулеметов глухой кашляющий звук, в то время как наши производят щелчки высокого тона.

Атака отбита, и мы попытались связаться с нашим командным пунктом. До сих пор связь была отличной; теперь она вдруг прервалась. Мы сидели слишком низко в своей ложине. До тех пор, пока не сможем подняться выше, нам придется оставить эту попытку. Ночь спустилась, а стрельба с перерывами все еще продолжалась. Мы не могли вернуться назад, потому что ситуация на дороге, ведущей в тыл, была неясной. Мы оставались на месте и смотрели на горящую деревню Лешенко.

Огонь, открытый нашими же войсками, был беспорядочным и привел к тому, что еще больше русских поднялось со своих позиций, когда оставаться на них становилось «жарко». Это жестокий способ, но невозможно предпринять что-либо еще. Как-то само собой с этого момента сражение стало явно более ожесточенным и безжалостным и с нашей стороны; и только тот, кто тут побывал, поймет почему. Ночью произошли еще два события, цена которых была для нас – двое убитых и один тяжело раненный. Теперь я знаю значение слова «бесстрашие».

Утром, когда мы проснулись, нас встретила приятная тишина. Ни единого выстрела. Приспел кофе, а оператор коммутатора связи как раз говорил ребятам на наблюдательном пункте: «Пока не видно ни одного самолета, и артиллерия оставила нас в покое», когда слышался свист и взрыв – первый снаряд упал примерно в двухстах метрах справа. лейтенант выругался, как будто не подозревающий ни о чем оператор привлек к нам внимание русских, – а мы засмеялись. После этого стало тихо, почти ни единого выстрела, за исключением того, что произошло в середине дня, когда я вышел на дорогу показать машинам с фуражом дорогу на командный пункт. Именно тогда наш старый друг танк громом огласил окрестности. Вырвалось уродливое красное пламя с черным дымом, и раздались хлопки выстрелов.

Это странно. Как только мы втягиваемся в новый бой и слышим гром пушек, мы становимся счастливыми и беззаботными. Каждый раз, когда это происходит, наши ребята начинают петь, становятся веселыми и у них появляется хорошее настроение. Воздух наполняется новым запахом свободы. Те, кто любит опасность, – хорошие парни, даже если они не хотят это признавать.

Время от времени снаряд вылетает с одной из батарей. Он издает звук подобно мячу, подброшенному очень высоко в воздух. Слышно, как он летит дальше. Затем, через некоторое время после того, как замолкает свист, слышен отдаленный глухой звук его разрыва. У русских снарядов совершенно иной звук, похожий на грохот сильно хлопнувшей двери.

Этим утром была слышна интенсивная пальба где-то вдали, а так со вчерашнего дня было очень тихо. Наверное, русские понимали, насколько слабы их атаки; наверное, они следят за нашими путями снабжения, чтобы внезапно атаковать с тыла. Мы можем подождать. Мы можем спокойно наблюдать за этим, так же как мы наблюдаем за тем, как они роют траншеи, предназначенные для защиты подступов к пункту Белый. Это странная война.

Прошлой ночью я поднимался вверх в качестве помощника с Арно Кирхнером. Целый час требуется для того, чтобы с командного пункта добраться до наблюдательного. Между деревьями повис легкий туман, а трава и кустарник были отяжелевшими от дождя. Мы пробирались на ощупь по тропе мимо ложин и откосов к Монастырскому.

Там была дорога. Повсюду призрачная тишина. Фронт совершенно спокоен, за исключением вздымающихся вверх отдельных мерцающих вспышек, одиноко светивших белым как мел светом в поглощавшей все звуки мгле.

В деревне были видны полосы света из погребов и землянок; где-то украдкой светился огонек сигареты – молчаливый часовой, дрожащий от холода. Было поздно, ближе к полуночи. Лужи в воронках от снарядов отражали звезды. «Не случилось ли все это уже раньше? – подумал я. – Россия, Фландрия, солдаты на переднем крае?..» Иногда какая-нибудь картина озадачивает вас подобным образом. Думаешь: должно быть, подобное уже было в прежнюю войну. Теперь то же самое – время стерлось.

Мы спешили и лишь перебросились друг с другом несколькими замечаниями, указывая на воронки. Спицы и колеса в канаве, останки здешней повозки. «Прямое попадание», – сухо сказал Арно. Что еще можно сказать? Это чертова дорога, ведущая прямо к врагу, в Белый.

«Будь осторожен, мы, должно быть, вблизи перекрестка, затем еще пятьдесят метров». Мы пробирались через провода и траншеи коммуникаций.

Наконец появился наш солдат с радиостанцией и телефонной трубкой на расстоянии десяти метров от нее. Ребята стояли вокруг, дрожа от холода, по грудь в мокром окопе, каждый с плащ-палаткой через плечо. Я передал по телефону распоряжение сворачиваться; мы сменили радиопередатчик, и я попытался установить контакт.

Проскользнул в мокрый окоп, рыхлые и пропитанные водой стенки которого были покрыты гнилой соломой, и нашел узкое место, которое было сухим. Чтобы протиснуться в него, требовалась некоторая сноровка, при этом сначала протискиваются ноги. На полпути вниз потолок обрушен; боковые стенки недостаточно толсты, чтобы противостоять вибрации. Окоп был очень тесным. Из предосторожности я засунул свою стальную каску и противогаз под две самые толстые перекладины, но, поскольку на дне окоп был уже, чем в верхней части, опасность быть погребенным заживо не слишком велика. Это правда, что потолок обвалился, когда кто-то проходил по окопу, но я натянул на голову одеяло и, еще раз прислушавшись к тому, что происходило снаружи, спокойно заснул.

Глава 2

МЕЧ НАД ТИШИНОЙ

В то время как танковые силы группы армий «Юг» окружили и взяли в плен 600 000 русских у Киева, группа «Север» бомбардировала Ленинград¹. Сентябрь застал группу армий «Центр» готовившейся к возобновлению наступления на Москву. Основное наступление началось 2 октября и увенчалось захватом еще 600 000 русских под Вязьмой. Дорога на Москву теперь, казалось, была открыта. Наше подразделение было составной частью 9-й армии, которая прикрывала левый фланг 4-й танковой армии. Последняя продвинулась на семьдесят километров к северо-востоку, приблизительно в направлении на столицу, а потом вдруг нанесла удар в северном направлении на Калинин.

Утром начался дождь, и он все еще шел, когда мы двинулись в час дня. Мелкий моросящий дождь из низких облаков, серый и мглистый ландшафт, как Вестервальд иногда бывает осенью. Мы еле тащились через мокрый луг и по заболоченным дорогам с нашими двумя машинами. Где-то мы вновь наткнулись на батарею, и длинная колонна с трудом двигалась вперед. Машины буксовали и скользили, вязли и застревали. Лафет орудия провалился в ров и к следующему утру все еще был там.

Когда стемнело, мы обнаружили нечто вроде землянки, в которой располагался временный командный пункт. Там мы ползали, пытаясь устроиться. К тому времени, как с этим покончили, наши шинели были твердыми от мокрого песка и глины. Мы нашли землянку с лазом такого размера, как вход в крольчатник. Я ощупью пролез внутрь и нащупал нишу, накрытую соломой. Моя рука коснулась чьего-то ремня. Я подумал: это мне прекрасно подойдет. Затем сложил оборудование в различных других нишах, а когда немного позднее вернулся обратно, в землянке уже был свет.

Свет в узком окне выглядел уютно на фоне дождя. Внутри я нашел двух связистов из 12-й батареи, которые устроились здесь днем раньше. В нашей собственной команде было трое, а спальных мест тут всего четыре. В этом укрытии было не повернуться, все заняли наша мокрая одежда и оборудование. Но какое это имело значение? Крыша, коптящая свеча, сигарета, а когда вас достаточно много, вы быстро согреваетесь.

Кто-то вылил воду из своих ботинок, кто-то приготовился стоять в карауле. Антеман и я легли спать вповалку: один головой на запад, другой – на восток. Мы не могли повернуться; для этого мы прижались друг к другу слишком замысловато.

Вчера мы весь день занимались устранением поломок, которые возникли в нашем оборудовании и вооружении в результате этого последнего марша.

Но зато у нас выдался спокойный вечер. Мы стояли перед своей землянкой, как крестьянин у ворот своего двора, пока дождь не загнал нас внутрь. Здесь, в нашем углу, все еще спокойно, но фланг, немного южнее, время от времени подвергается некоторому обстрелу из тяжелых орудий. Русские используют для этого дальнобойные пушки. Засунув руки в карманы, вы обозреваете все это, совсем как крестьянин смотрит на свою картошку и говорит тоном знатока: «Поспевает совсем неплохо».

Во всем этом нет ничего героического. Не следует употреблять это слово в несвойственном ему значении. Мы не герои. Еще вопрос, храбры ли мы? Мы делаем то, что нам велят. Может быть, бывают моменты, когда колеблешься. Но все равно идешь и идешь «непоколебимо». Это значит, что ты не подаешь виду. Храбрость ли это? Я бы так не сказал.

¹ Речь идет о начале блокады Ленинграда. (Здесь и далее примеч. ред.)

Это не более того, что вы могли бы ожидать; вы просто не должны проявлять страх или, что еще важнее, не должны быть охвачены им. В конце концов, не существует ситуации, с которой не смог бы справиться ясный, спокойный разум. Опасность велика лишь настолько, насколько это позволяет ей наше воображение. А поскольку мысль об опасности и ее последствиях делает вас лишь неуверенными в себе, для самосохранения принципиально важно не позволять воображению одержать верх.

Целыми днями подряд, а нередко и неделями ни единая пуля или осколок снаряда не пролетает настолько близко от нас, чтобы мы слышали их свист. В такое время мы мирно жарим картошку, и даже в дождь (который как раз барабанит сейчас по нашей крыше) огонь не гаснет. Но даже когда свист раздается довольно близко, расстояние между летящими пулями и снарядами и нами еще достаточно велико. Как я говорил, нужно только оставаться спокойным и быть начеку.

Отец понимал это очень хорошо. Я всегда счастлив, когда читаю его письма, и они согревают мое сердце от ощущения, что он понимает все это в силу своего собственного боевого опыта.

Это ведь совсем не так уж скверно, а, отец?

Конечно, нам приходится противостоять различным видам оружия, но и у нас самих самое различное вооружение. Танк может быть неуклюжим, действуя против вас, если у вас есть противотанковое ружье. Но в самом худшем случае вы всегда можете нырнуть в укрытие и позволить ему пройти мимо. И даже такой монстр отнюдь не неуязвим для одного человека – при условии, что нападаете на него сзади. Вот такой поступок, совершенный по доброй воле, я бы и назвал храбрым.

В целом война не изменилась. Артиллерия и пехота все еще преобладают на поле сражения. Возрастающая боевая мощь пехоты – ее автоматическое оружие, минометы и все остальное – не так уж плоха, как полагают. Но приходится признать самый существенный факт – перед вами жизнь другого человека. Это война. Это торговля. И это не так трудно.

И опять же, так как оружие автоматическое, большинство солдат не осознают все значение этого: вы убиваете людей на расстоянии, и убиваете тех, кого не знаете и никогда не видели. Ситуация, в которой солдату противостоит солдат, в которой вы можете себе сказать: «Этот – мой!» – и открываете огонь, может быть, более обычна для этой кампании, чем для предыдущей. Но она возникает не так часто.

22 сентября 1941 года. Между восемью и девятью вечера. Мы сидим в землянке. Так жарко, что я разделся до пояса. Пламя нашего огня так высоко и ярко, что дает слишком сильный жар. Это наш единственный источник света.

Мы все сидим на скамье, на коленях у нас блокноты, с нежностью думаем о доме – Гейнц о своей жене, ожидающей ребенка, я – о вас, дорогие родители и друзья. Мы хотим, чтобы вы знали, что у нас все прекрасно на самом деле и, говоря совершенно искренне, в какие-то моменты мы счастливы совершенно, потому что знаем, что при сложившихся обстоятельствах лучше не может быть.

Все это сделано нашими руками – скамейка, кровати, очаг; и дрова, которые мы заготовили из обломков обрушившейся крыши и принесли сюда, чтобы подбрасывать в огонь. Мы принесли воды, накопили картошки, накрошили лука и повесили над огнем котелки. Есть сигареты, полевая кухня варит кофе, а лейтенант дал нам это оставшееся время на перерыв. Мы собрались все вместе в одной дружной компании и устроили маленький праздник.

Гейнц сидит у огня, я слушаю музыку по радио. Он также скинул свою последнюю одежду. Он потеет, как поджариваемый на сковороде, и мы усмехаемся друг другу, отрываясь от письма, или смотрим на огонь, или тянемся за своими кружками. Какое нам дело до того, идет ли дождь или раздаются взрывы снаружи, если стреляют из 150-миллиметровых или 200-

миллиметровых орудий?! Нам тепло, уютно, безопасно настолько, насколько это возможно; и вряд ли кто-нибудь вытащит нас отсюда. На Восточном фронте все спокойно. Операции идут по плану. Пусть себе идут, старина, мы за ними не последуем, во всяком случае, не сегодня...

Когда я поднялся утром, повсюду был иней. Я обнаружил толстый кусок льда в мешках для воды. Зима уже не за горами.

Последний день сентября. Настроение тоскливое. Еще тягостнее становится при звуках игры на струнном инструменте. Танцуют языки яркого пламени. Мы развесили наши наушники где попало – на торчащих корнях, винтовочных прицелах. Скрипки звучат повсюду.

Трубы дымят во всех землянках. Это прямо целая деревня, наполнившая дымом маленькую долину. С каждой стороны землянки сделан наклонный срез. Вы входите в нее на уровне поверхности земли, а между двумя рядами землянок есть расстояние на ширину узкой улочки. Там можно поставить одну транспортную единицу, и, как правило, это наш фуражный фургон – лошадка и повозка. Когда он прибывает, все вылезает из своих щелей, «деревня» приходит в движение. В течение дня не то чтобы всегда спокойно, потому что ребята рубят дрова и таскают воду или возвращаются из походов за провизией на картофельное поле. Не бывает тишины и по вечерам, когда они устраивают перекуры и беседы, или разносят последние известия из землянки в землянку, или теснятся вокруг того, кто пришел с последними новостями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.